

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ ОБЩИННОГО ПРАВА В НОРВЕГИИ

(По поводу статьи R. Frimannslund «A Cluster Settlement in Western Norway» *)

Норвежский Институт сравнительного изучения культурных явлений, основанный в 1922 г. в Осло, с 1928 г. добавил к своей программе исследование развития форм крестьянской общины. До этого времени в стране не было организованного изучения бытующих донные пережитки характерного древнего права крестьянской общины, хотя норвежскими правоведами, историками и экономистами (Ф. Брандт, Э. Хериберг, Г. Танк, А. Тарангер, К. Вистед, О.-А. Енсен и др.) была проделана значительная работа по исследованию форм и путей развития общины, правда в основном в средневековой Норвегии. За 30 лет Институт собрал значительный полевой материал — около 15 тыс. рукописей. Однако обработано и опубликовано до сих пор немного: только четыре монографии, рассматривающие лишь часть хозяйства, — его горно-пастбищный сектор (сетер). Остальные материалы не опубликованы. Сотрудники Института занимаются узкими темами и работают над монографиями фактически изолированно. В этом плане счастливое исключение составляют несколько вышедших из печати докладов проф. А. Холмсена, Х. Бьёрквика и особенно Р. Фриманнслунд, в течение многих лет занимающейся изучением общинных традиций норвежского крестьянства. Еще в конце 1930-х годов, будучи студенткой, Фриманнслунд участвовала в полевых экспедициях в Западной Норвегии. В 1943—1946 гг. она собрала по вопросам, разработанным Институтом, значительный материал, а в настоящее время руководит в Институте работами Отделения по изучению крестьянской общины. Ею написан по полевым материалам ряд небольших, но весьма интересных статей и сообщений, характеризующих современное положение западнонорвежской общины и общинные традиции норвежского крестьянства¹.

Рецензируемая работа Фриманнслунд «Групповые поселения в Западной Норвегии» посвящена историко-этнографическому исследованию отношений, возникающих между крестьянами, жилые и хозяйственные постройки которых образуют одно общее групповое поселение — тун (tun), а их земля, в прошлом составлявшая общую собственность, постепенно (особенно после закона 1857 г. о консолидации и перераспределении земель) становится частной собственностью. К сожалению, эта важная проблема решается автором весьма односторонне. Прежде всего, работа не дает четкого представления о той социальной среде, в которой до наших дней живут старые общинные традиции. Не выявлен также характер изменения этих традиций в связи с постоянно продолжающимся процессом все более углубляющейся в условиях капитализма классовой дифференциации норвежского крестьянства и не показано использование общинных традиций крупными буннами (кулаками) в целях усиления эксплуатации мелких буннов и хусманнов (батраков-арендаторов). Между тем, из работы по отдельным штрихам становится ясным, что батраки-арендаторы работают не только в хозяйствах района, но и в самом туне Стейнсланне, исследованию общинных традиций в котором посвящена работа. Мы узнаем, правда, по сообщению мимоходом, что в долине Мудалена, где проводилось исследование, в 1900 г. проживала 41 семья крестьян-землевладельцев (неизвестно, крупных или мелких) и 10 семей батраков-арендаторов (стр. 210) и что по каким-то причинам один батрак-арендатор покинул арендуемую в Стейнсланне землю (год, когда произошел этот факт, не сообщен). Современный социальный состав изучаемого туна и селений долины Мудалена остается неясным. Исследовательница отрывает конкретные условия развития форм собственности в туне от общего капиталистического развития страны и часто сводит происходящие капиталистические преобразования архаических форм собственности и изменения традиций землепользования к внутрихозяйственной рационализаторской деятельности хозяев туна, идеалистически объясняя совершающиеся социально-экономические преобразования². Располагая большим фактическим материалом, иссле-

* Статья опубликована в издании: «Géographie et histoire agraires», Université de Nancy, Memoire № 21, 1959, стр. 209—220.

¹ См.: R. Frimannslund, Fellesskap og avhengighet i gård — og bygdesamfunn, Bergen, 1945; е е же, Gård — og grannesamfunnsundersøkelsen, Oslo, 1955; е е же, Co-operation and Exchange Work in Norwegian Cluster-Settlements, «The village», т. II, № 1, London, 1956, стр. 19—22; е е же, Church-Huts, «The village», т. II, № 2, London, 1956, стр. 55—57; е е же, Farm Community and Neighbourhood Community, Reprint from, «The Scandinavian Economic History Review», Stockholm, 1956, стр. 62—81.

² Так, она сообщает, например, что в начале 20-х годов, когда владельцы Стейнсланна пришли к выводу, что система ежегодного обмена лугами весьма трудоемка и что менее хлопотно пользоваться теми же полосами длительный срок (а столетиями этого не замечали!), ежегодный обмен участками по взаимному устному соглашению был прекращен.

довательница неоправданно мало внимания уделяет изучению генезиса капитализма в сельском хозяйстве Норвегии. Между тем хозяйство, перестав быть в капиталистической Норвегии натуральным, все более втягивалось в товарное производство продуктов животноводства на продажу, для чего нуждалось в более интенсивном использовании кормовой базы; однако этому препятствовал ежегодный передел лугов.

Работа страдает излишним описательством, композиционной рыхлостью и объективистским подходом к тем или иным явлениям, что подчас лишает исследователя возможность сделать правильные выводы из собранного материала. Однако, несмотря на серьезные недостатки, которые имеются в исследовании, для историка и этнографа оно представляет определенный научный интерес, так как содержит ценные фактические данные о характере землепользования в конкретном туне в глухом районе страны, где уцелели некоторые архаические формы собственности.

Фриманнслюнн выбирает для подробного анализа наиболее оригинальное, по ее мнению, поселение — тун Стейнсланн в долине Мудалена, севернее Бергена. На основании проведенных упоминаемым Институтом по всей стране топонимических исследований, автор по суффиксу — land и некоторым археологическим изысканиям считает, что данный тун, по-видимому, существовал уже до 1000 года нашей эры. После опустошительной эпидемии чумы в XIV в. тун, как и многие другие поселения в районах с неплодородной землей, был покинут на 200 или более лет. Но с 1600 г. здесь уже значится одна семья, в 1661 г. — две, а между 1665 и 1701 гг. поселилась третья семья, причем все три хозяйства совместно владели землей. Три хозяйства сохранились на этой земле до наших дней.

Стейнсланну принадлежит территория в 150 км². Но эта площадь занята в основном горами, горными реками и озерами. Только небольшая часть земель покрыта лесами, а культивируемые земли составляют мизерную часть площади — при перераспределении в 1953 г. их значилось 376,1 декара³. Пахотные земли представляют собой тонкий перегнойный слой на каменистом грунте, на котором затруднительно возделывание зерновых культур⁴. В прошлом немалое значение имели рыболовство в озерах и горных реках, являвшихся общинной собственностью, а на общинной земле — охота. Основным же богатством Стейнсланна являлись и являются тучные пастбища и луга, обеспечивающие хорошее развитие животноводства: например в 1860 г. луга и пастбища Стейнсланна давали две трети зимних запасов сена, а одна треть дополнялась приусадебными пашнями, на которых, ввиду слабых урожаев злаковых, также высевались травы, особенно в более позднее время — в конце XIX и первой половине XX в.

Наиболее важная и интересная часть работы Фриманнслюнн посвящена анализу форм землепользования в туне. Еще полстолетия назад все угодья, кроме пашен, находились в общинной собственности. Карта владений туна до 1953 г. показывает, что используемая в хозяйстве земля до перераспределения состояла из 130 небольших участков. Каждый хозяин имел свой участок пользования на разных по местоположению, качеству и назначению угодьях. Пахотная земля была в частной собственности, и большая часть ее располагалась на приусадебном участке (innmark), огороженном от общинных пастбищ общим забором. Часть пахотной земли находилась среди пастбища, и каждый отдельный кусок пашни был также огорожен. Луга не принадлежали постоянно какой-либо крестьянской семье, а ежегодно по очереди переходили к каждому по участкам. В период жизни последних поколений главы хозяйств время от времени пересматривали качество участков и устанавливали «как можно более справедливые границы», увеличивая или уменьшая общее число и размеры участков (стр. 214). Фриманнслюнн не указывает, каковы социально-экономические основы подобного передела.

В начале 1920-х годов луга перешли в частную собственность. А в 1953 г. при окончательном перераспределении земель была проведена консолидация пашен и луговых угодий в целые частновладельческие участки. Однако пастбища еще и теперь находятся в общем пользовании, а леса разделены на отдельные держания среди трех хозяйств.

В перераспределенном районе имеется также некоторое количество смешанных луговых и лесных угодий, и здесь наблюдается особенно сложная форма собственности. Луг, например, принадлежит одному хозяину, а редколесье на этом лугу — другому. Но владение угодьем усложняется тем, что существует особая традиция в отношении одного из видов деревьев — ольхи. Это дерево распределяется по жребию. На чисто лесном угодье, где все деревья принадлежат одному лицу, каждый из его двух соседей может иметь в собственности ольховые деревья. Объясняется это сравнительно недавним (с XIX—XX вв.) переходом лесных участков в частную собственность и известной непрочностью представлений о праве частной собственности на них. На лугу же ольха принадлежит хозяину луга, ибо считают, что владеет

³ 1 декара = 0,1 га.

⁴ Стейнсланн в переводе означает «Каменная земля», что хорошо характеризует малоплодородную почву данной местности.

травы (луга) был вправе решать, следует ли расти побегам молодой ольхи или надо скосить их вместе с травой, и если оставлял, то для себя. Особое положение ольхи в Норвегии объясняется тем, что из ее древесины выжигают уголь, дающий, в отличие от древесного угля других пород, менее сильный жар, что используется при заострении лезвий серпов (которое производится здесь не точением, а выковыванием). Серпы еще кое-где в глухих западных областях страны, где техника остается низкой, до последнего времени сохраняют некоторое значение.

Интересна история возникновения участков пашни среди пастбищ. Все названия этих огороженных пашен имеют комбинацию с суффиксом «-fred». Первоначальное значение этого слова — место, вытопанное скотом. Фриманнслюнн установила, что раньше эти участки были огороженными каменным забором загонами для скота, где производилось доение коров, и было легче защищать скот от диких зверей ночью. Эти ограды никогда не воздвигали на болотистой земле, а строили только на сухих местах. За несколько лет участок вытаптывался скотом и, обильно унавоженный, представлял отличное место для выращивания зерна. Таким образом, эти участки превращались в зерновые поля, которые были защищены сохранившимся забором от скота, пасущегося на расположенном вокруг пастбище. В настоящее время слово «fred» по традиции применяется для обозначения любого огороженного и даже неогороженного участка пахотной земли.

Вблизи туна такие первые пашни на местах загонов скота были со временем разгорожены, а от пастбищных земель, где оставались огороженные участки пашни, приусадебный участок был отделен одним общим забором. По мере роста пашен изгородь между приусадебным участком и пастбищем удалялась от туна. Однако остатки каменных стен непосредственно вокруг территории старого туна Стейнсланна свидетельствуют о том, что даже сам тун был когда-то также огорожен⁵.

Фриманнслюнн отмечает, что в древности и даже еще в первой половине XIX в., особенно до 1830 г., в Норвегии был широко распространен обычай, согласно которому каждый землепользователь имел право огородить для себя участок общинной земли под зерновое поле. В Стейнсланне это правило также существовало, однако, как и в других местах, здесь следили за тем, чтобы никто не брал долю больше, чем у других общинников. Вся земля должна была находиться в общей собственности или равно поделенной на три части для пользования. Фриманнслюнн не могла конкретно проследить всю эволюцию перехода общинной земли в частнособственническую ни на примере Стейнсланна, ни по любому другому туну. Однако она выдвигает ряд интересных мыслей для вскрытия подоплеку такого перехода. Потребность в собственной земле возникала постепенно и не включала все элементы общинной собственности. Пахотные участки первыми перешли в частную собственность. Затем, видимо, собственностью стала трава на лугах (но не сами луга!), в то время как другие общинники получили право владения на деревья на том же самом участке (но не на сам участок!). Сознание собственности на непахотную землю, травой и лесом которой владели крестьяне, было первоначально слабым или совсем отсутствовало. Оно относилось, вероятно, не к земле, а к тому, что земля производила. Норвежская исследовательница резюмирует, что чувство собственности на землю выросло с медленным процессом улучшения обработки почвы и что во время этого длительного процесса право на пользование землей, принадлежавшей общине, медленно развилось в право индивидуально владеть землей как частной собственностью. Стейнсланн является одним из примеров того, что право владеть ею индивидуально вместо права использовать сообща является удивительно молодым.

Работа Р. Фриманнслюнн иллюстрирована двумя планами приусадебных земель старого и нового Стейнсланна и четырьмя фотоснимками: на первых двух изображены верховья долины Мудалена и местоположение в ней туна Стейнсланна, на двух других — участки пашен с типичными для горной Норвегии изгородями из камня и веток.

Г. Анохин

⁵ В Норвегии существует версия, что первоначально слово tun означало ограждение, забор, изгородь вокруг двора, усадьбы, хутора. Фриманнслюнн берет это под сомнение на том основании, что в других районах Норвегии обычно отсутствовали изгороди вокруг старых поселений.